

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 68–74
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 68–74
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-68-74>, EDN: SFBNYP

Научная статья
УДК [94(44):355.441.1(430.113)]|1806|+929Наполеон

Французская оккупация Гамбурга в 1806 г.: континентальная блокада и контрабанда

А. А. Гунько

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гунько Андрей Анатольевич, аспирант кафедры всеобщей истории, violla0217@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-9777-7013>, Author ID: 1178659

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения между Францией и Гамбургом в начале XIX в., опыт первой оккупации Э. Мортье вольного города-государства, а также методы обхода гамбургскими жителями режима континентальной блокады Наполеона Бонапарта. Сделан вывод о закономерном расцвете контрабандного промысла среди бедных слоев населения Гамбурга на фоне разорительной политики наполеоновского Парижа по отношению к вольному городу-государству. Несмотря на диктуемые Наполеоном торговые ограничения и необходимость содержания расквартированных солдат Великой армии, реакция жителей на такие меры была негативной, хотя открытых волнений и не вызвала.

Ключевые слова: Гамбург, Наполеон, континентальная блокада, Великобритания, оккупация, контрабанда

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113: «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи» – П.

Для цитирования: Гунько А. А. Французская оккупация Гамбурга в 1806 г.: континентальная блокада и контрабанда // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 68–74. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-68-74>, EDN: SFBNYP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The French occupation of Hamburg in 1806: The Continental blockade and smuggling

A. A. Gunko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrew A. Gunko, violla0217@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-9777-7013>, AuthorID: 1178659

Abstract. The article examines the relationship between France and Hamburg in the early 19th century, the experience of E. Mortier's first occupation of the free city-state, as well as methods of circumventing the continental blockade regime of Napoleon Bonaparte by Hamburg residents. The conclusion is made about the natural flourishing of smuggling among the poor of Hamburg against the background of the ruinous policy of Napoleonic Paris in relation to the free city-state. Despite the trade restrictions dictated by Napoleon and the need to maintain the quartered soldiers of the Grand Army, the reaction of residents to such measures was negative, although it did not cause open unrest.

Keywords: Hamburg, Napoleon, Continental System, Great Britain, occupation, smuggling

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00113: "Man at War: The Anthropology of Military History of the Napoleonic Era" – P.

For citation: Gunko A. A. The French occupation of Hamburg in 1806: The Continental blockade and smuggling. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 68–74 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-68-74>, EDN: SFBNYP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Ганзейские города давно служили перевалочной базой для колониальных товаров из владений Франции и Англии в Германию. Последние годы XVIII в. были весьма благоприятны для экономики Гамбурга: Франция и Англия, торговые связи между которыми были прерваны, обогащали город как необходимого посредника.

Немаловажным фактором благополучия ганзейских городов-государств являлось объявление ими о своем нейтралитете, действовавшее в период с 1792 по 1806 гг. [1, S. 56; 2, p. 646–647; 3, S. 31–32, 47–48].

Но если до Французской революции половину импорта у них составляли французские

товары, то после нее на первый план в объеме поставляемых товаров вышла Англия (особенно после того, как Амстердам был оккупирован французами в 1795 г.). Через Бремен в Северную Германию шла кукуруза, через Гамбург – преимущественно сахар и кофе [4, р. 95–96]. После упадка Марселя и Амстердама как портовых городов Гамбург – наряду с Бордо во Франции и Ливорно в Италии – стал на несколько лет ключевым портовым городом для связи с Великобританией (вплоть до событий 1806–1807 гг.) [5, р. 65], и это способствовало процветанию города. Пошлины в Гамбурге на импорт и экспорт выросли в три раза в период с 1793 по 1799 гг., а число бедных людей, получающих социальную помощь, сократилось наполовину [5, р. 66]. Гамбургский британский посол в марте 1807 г. сообщал министру иностранных дел Дж. Каннингу, что ганзейские города благодаря широчайшим своим торговым связям со всем континентом сбывали ежегодно в среднем за последние 12 лет (до блокады) английских товаров на 10 млн фунтов стерлингов, несмотря ни на какие препятствия [6, с. 260–261].

Противостояние Англии и Франции вылилось в континентальную блокаду: Наполеон попытался экономически удушить своих соперников, перекрыв им рынки сбыта их товаров в Европе. Естественно, для этого необходимо было взять под контроль торговлю в ганзейских городах.

Западные и отечественные исследователи с разных сторон изучали континентальную блокаду, в первую очередь с точки зрения geopolитического противостояния между Лондоном и Парижем, ограничиваясь анализом общих причин и последствий подписания Наполеоном Бонапартом Берлинского декрета 21 ноября 1806 г. Так, исследования К. Ааслештад затрагивают военно-антропологический аспект наполеоновских войн [1, 2, 7, 8]; монографии Х. да Луза [3], Э. Хекшера [4] и Е. В. Тарле [6], А. Т. Мэхена [9], равно как статьи С. Марзагалли [5], А. А. Подмазо [10], Н. Н. Трошина [11], анализируют экономические аспекты континентальной блокады; попытку Российской империи примирить Великобританию и наполеоновскую Францию с помощью дипломатии раскрывает в своей статье Н. А. Макаров [12]. Отдельно следует отметить работу Г. А. Сосуновой [13], в которой исследователь предпринимает попытку проследить корреляцию между активными запретительными мерами Наполеона Бонапарта (в рамках экономической изоляции Британских островов от континентальной Европы) и внедрением таможенно-юридических и таможенно-экономических терминов в языке таможенных служащих Первой империи. Не можем не упомянуть работу К. Мёнкеберга [14], в которой освящается период французской оккупации Гамбурга в рамках позитивистской традиции.

В данном исследовании мы попытаемся проследить историю взаимоотношений между Францией и Гамбургом в начале XIX в., рассмотреть опыт первой оккупации (существования жителей Гамбурга и расквартированной наполеоновской армии) Э. Мортье Вольного города-государства, а также методы обхода гамбургскими жителями режима континентальной блокады Наполеона Бонапарта. Методологически при освещении оккупационного режима мы будем опираться на работу А. В. Гладышева [15, с 10–21], а также на классические методы, принятые в исторической науке (описательно-повествовательный и хронологический методы).

Если в плане коммерческой деятельности для гамбуржцев все развивалось до поры до времени достаточно хорошо, то с политической точки зрения ситуация разворачивалась иначе: уже на рубеже столетий у Гамбурга начались серьезные проблемы. С 1795 г., после временной оккупации Бремена ганноверскими и британскими войсками, стало ясно, что войны, приносившие одно время торговые выгоды, стали угрожать их суверенитету [7, р. 121]. На протяжении второй половины 1790-х гг. Гамбург и Бремен продолжали обслуживать интересы по обе стороны Ла-Манша, активно производя различные торговые операции или кредитование [7, р. 121]. Но с 20 марта по 23 мая 1801 г. Гамбург был оккупирован датчанами с целью «защиты устья Эльбы» от англичан.

С 1803 г. и вплоть до конца Первой Империи Наполеон всеми способами пытался испортить жизнь соседу по Ла-Маншу, ведя торговую войну. После разрыва Амьенского договора в 1803 г. Франция ужесточила торговое законодательство против Великобритании. В нашем распоряжении есть письмо Э. Мортье, находившемся в то время с официальным визитом в Бремене, от 3 июня 1803 г. (Le 14 Praireal au 11), обращенное к городскому Сенату, в котором маршал практически в ультимативном тоне предлагает правительству Бремена в обмен на «дружеские отношения с Французской Республикой» исполнить «пожелания» французов: ввести немедленное эмбарго всех английских товаров из всех английских владений, а также всех английских офицеров и матросов незамедлительно доставить в распоряжение французской армии [16]. Заключает свое короткое обращение к Сенату Бремена Э. Мортье так: «Я добьюсь того, чтобы вы конфисковали в интересах Французской Республики все англоязычные газеты, и [изгнали] английских солдат, которые находятся в вашем городе» [16, л. 182, 182 об.].

Благоприятным для Наполеона поводом к объявлению континентальной блокады послужил королевский декрет Георга III от 16 мая 1806 г., которым Англия объявляла о блокаде всех портов Европы от Эльбы до Бреста. Этого

королевского указа добился министр иностранных дел Ч. Дж. Фокс. Блокада, однако, строго соблюдалась только между устьем Сены (порты Гавр и Онфлёр) и портом Остенде. В порты между этими двумя пунктами не допускалось ни под каким предлогом ни одно нейтральное судно. С другой стороны, нейтральные суда могли входить в порты и выходить из них свободно, если они «не грузились в каком-либо порту, принадлежащем врагам Его Величества, или не следовали прямо в какой-либо из принадлежащих врагам Его Величества портов» [9, с. 596–598]. При этом редакция указа избегала вопроса о происхождении грузов, затрагивая только транзит товара.

Разрабатывая планы подрыва британской торговли, Наполеон, естественно, вспомнил о тесных отношениях между Гамбургом и Англией. Он полагал, что в Гамбурге проживает большое количество англичан, и рассматривал этот город как союзника врага. Поэтому следовало ожидать, что он уделит Гамбургу особое внимание [17, р. 282–283].

Во внешней политике Гамбург наравне с остальными городами-государствами Северной Европы старался придерживаться нейтралитета. Когда Священная Римская империя пришла в упадок, городские элиты Гамбурга, Бремена и Любека активнее начали поддерживать местный ганзейский регионализм. В сентябре 1806 г. городские представители собрались в Любеке и основали Ганзейскую федерацию. Тем не менее члены делегации настаивали на том, что их объединение следует рассматривать исключительно как возрождение многовековых связей между тремя городами, основанных на их общей истории и интересах, а не как новое политическое образование. Но на французов это заявление не произвело никакого впечатления.

6 ноября 1806 г. наполеоновские войска окружили Любек, штурмовали городские ворота и разгромили прусские войска под командованием Г. Блюхера на улицах города. Немецкие газеты уверяли, что французские солдаты грабили город, сжигали дома и преследовали горожан [18; 19, р. 53]. Это был «поворотный момент, который принёс войну в ганзейские города, гавани, склады, магазины и жилые дома» [2, р. 645].

За Любеком наступила очередь Гамбурга. 19 ноября 1806 г. маршал Эдуард Мортье с авангардом восьмого армейского корпуса в 7000 человек направляется в Гамбург, чтобы овладеть этим городом от имени «императора французов и короля Италии» [2, р. 649; 18]. По сообщениям газеты *Allgemeine Zeitung*, которая активно освещала события тех дней в Гамбурге, «это был первый полк итальянской линейной пехоты, несколько французских пехотинцев и голландских драгунов. Непосредственно в сам город с музыкой торжественно вошли 1600 человек; остальные рассредоточились в пригородах и деревнях вокруг Гамбурга» [18]. Встречал Мортье

французский посланник в Гамбурге Луи Антуан де Буррьенн. По сообщениям газеты *Allgemeine Zeitung*, «повсюду было очень много людей, но нигде беспорядков не было» [20]. Поход 6 ноября 1806 г. маршалов Сульта, Бернадота и Мюрата на Любек, где им противостоял генерал Блюхер, и захватом маршалом Мортье Гамбурга 19 ноября 1806 г. означали оккупацию Французской империей вольных городов-государств [2, р. 649–650].

Официальным началом континентальной блокады Великобритании с французской стороны принято считать подписание Наполеоном I Берлинского декрета 21 ноября 1806 г. (Миланский декрет от 17 декабря 1807 г. и ряд указов 1810 г. дополнили и ужесточили экономические запреты). Е. В. Тарле видел ключевую особенность Берлинского декрета о блокаде в стремлении императора подтвердить свои протекционистские взгляды, направленные на охрану интересов французской промышленности, параллельно пытаясь задавить английскую экономику, «стараясь осудить её на полное удушение, на государственное банкротство, голод и капитуляцию, лишив англичан всех европейских рынков сбыта товаров» [19, р. 49; 21, с. 143]. Для достижения своих протекционистских целей Наполеону необходимо было закрыть эту ганзейскую форточку торговой вольности.

По прямому указанию Э. Мортье Сенат Гамбурга 21 ноября 1806 г. издал приказ, согласно которому все британские товары должны быть конфискованы; все банкиры и торговцы, имеющие денежные средства или товары, полученные от английских производителей, независимо от того, являются ли они собственностью англичан или нет, должны заявить об этом в письменной форме в течение 24 часов [20].

После размещения армии Э. Мортье в пределах Гамбурга была сформирована стража города, укомплектованная из французских солдат и гамбургских ополченцев в пропорции три к одному (при этом охрана ратуши и местного банка была доверена местным рекрутам). Английский посланник отбыл из Гамбурга вместе с консультством. От церковных приходов города назначалась постоянная комиссия для упорядочения текущих дел [20].

Обстановка внутри города варьировалась от пассивно нейтральной до апатичной. Отражение этой реакции мы находим в мемуарах, оставленных Марианной Прелль. В них она зафиксировала следующее: «Так как люди в Гамбурге ещё не привыкли к такого рода вещам, то, очевидно, организация расквартирования войск затянулась. Французские офицеры, появившиеся в городе, испытали раздражение медлительностью городских властей, которые были заняты обсуждением мест для размещения солдат и их лошадей. Однако вскоре выяснилось, что

офицеры были на самом деле голодны и хотели пить, поэтому был быстро накрыт большой стол близ старого здания биржи, на котором было много вина из “винного погребка под ратушей” и “императорского двора”, жаркое, булочки с маслом и т. д., и вскоре удовлетворение офицеров было в значительной степени восстановлено. Сложнее обстояли дела с солдатами. Поскольку от усталости они едва могли идти дальше (большинство из них находилось за каменными воротами), было решено временно расквартировать их в Сент-Георг (квартал в Гамбурге. – А. Г.), а конницу разместить в городе» [22, S. 15].

21 ноября 1806 г. Сенат Гамбурга после консультации с Ж.-Б. де Базанкуром (Bazancourt) разработал регламент об обеспечении провиантом расквартированных войск: так, на завтрак каждому солдату полагался стакан французского коньяка или бренди (Branntewein) и хлеб; на обед – суп, полфунта мяса, полтора фунта хлеба, овощи, кусок свинины или прочего мяса и одна бутылка пива. Здесь уместно дать небольшой комментарий. Разумеется, алкоголь в армии (особенно среди солдат) в чистом виде употреблялся в исключительных случаях. Бытовой практикой употребления крепкого алкоголя в те времена являлась дезинфекция питьевой воды, что позволяло минимизировать риск возникновения эпидемий в армии. При этом оговаривалось, что «если солдаты будут недовольны этим [рационом], то каждый местный гражданин должен подать жалобу на это в вышестоящий штаб» [22, S. 18–19; 23]. Одновременно Сенат настаивал на скорейшем разрешении поступавших жалоб. Таким образом французское оккупационное правительство пытались обезопасить себя и свести к минимуму конфликты между солдатами Великой Армии и местным населением.

Жалобы были как со стороны горожан, так и со стороны расквартированных солдат, и причина их, по сообщениям М. Прелль, была в трудностях коммуникации: «Жалобы поступали как от граждан, так и от солдат и, в частности, гамбургский гражданский капитан Брюгеманн, как говорят, внес большой вклад в разрешение этих споров. Намного лучше обстояли дела с кавалерией, расквартированной в городе: в её состав входили голландцы, которые, поскольку голландский язык во многом похож на нижненемецкий, могли легко общаться с людьми» [22, S. 17]. Обеспечивать питание солдат было необходимо не только в местах их расквартирования, но и в местах несения ими караульной службы: горожане должны подготовить для них нечто вроде сухих пайков [23].

В тот же день отдельно была разработана смета содержания расквартированной армии: по данным М. Прелль, только за 19 месяцев (с 18 ноября 1806 по 30 июня 1808 гг.) «дорогие гости» обошли казне города более чем

в 7 372 000 франков [22, S. 20–22]. Основные статьями расходов были так называемые «столовые деньги» (Tafelgelder) – 737 032 ф., содержание лазарета (777 048 ф.), суточные расходы (688 591 ф.), корм для лошадей (836 184 ф.), одежда для офицеров (881 019 ф.) и так называемые «большая контрибуция» и «малая контрибуция» (847 777 и 554 362 ф. соответственно). Отдельно отметим жалование дуаньеров (таможенников) – 24 556 ф. [22, S. 21]. Для примерного соотнесения сумм, в той же смете на мясо выделено 28 694 ф., вино – 4 246 ф., хлеб – 53 999 ф. Таким образом Гамбург стремительно превращался в «кошелек» Наполеона, с помощью которого можно было не только решать geopolитические вопросы, но и возложить бремя содержания расквартированных войск на плечи бюргеров и купцов подконтрольного города.

Наконец, 27 ноября 1806 г. Сенат Гамбурга опубликовал Берлинский декрет, третья статья которого предписывала арестовать всех англичан как военнопленных: «Каждый человек, являющийся английским подданным, в каком бы состоянии он ни находился, который будет обнаружен нашими войсками или войсками наших союзников в оккупированных нами странах, должен быть взят в плен». Сенату также было приказано завершить инвентаризацию и декларирование английских товаров для последующего их изъятия [17, р. 283].

Наступили непростые для Гамбурга времена. Формально город оставался (до конца 1810 г.) самостоятельным («freie und Hansestadt»), но фактически он уже оказался под управлением Наполеона [6, с. 259–260]. Официальный запрет любых торговых отношений с англичанами и реквизиция уже находившихся в городе английских товаров стали серьезным ударом для экономики Гамбурга, однако всё это не остановило стремление горожан продолжить торговое сотрудничество с бывшим партнёром в лице Лондона. Увеличение городских расходов вкупе с ограничением рынков сбыта создало благоприятную почву для расцвета контрабанды английских товаров с нейтральных территорий, а для многих потерявшим работу контрабанда стала просто способом выживания.

Великобритания, оказавшись в очень непростом положении, все же нашла способ продолжить торговый обмен с континентальной Европой – использовать нейтральные датские территории. Торговые сношения Гамбурга с датской Альтоной (Альтона – современный пригород Гамбурга. С 1640 по 1864 гг., был территорией Дании, обладавшей статусом автономии со своими таможенными привилегиями; город развивался как конкурент Гамбурга в заморской торговле – А. Г.) были, по выражению французского министра внутренних дел, «неисчерпаемым источником контрабанды» [2, р. 650].

Из Альтоны английские товары путешествовали к разным укромным уголкам побережья; подвозилась контрабанда на маленьких судах из Гельголанда, Тённинга и Глюкштадта. Так, к осени 1808 г. через Гельголанд в Европу из Америки шли «на миллионы фунтов табака, специй, хлопка, сахара, индиго, керамические изделия» [2, р. 650]. Всего же за шесть месяцев после принятия Берлинского декрета в Гамбург из Лондона прибыло 1475 кораблей общим тоннажем около 590 000 т [2, р. 650]. Контрабанда колониальных товаров, которая шла с острова Гельголанда, направлялась преимущественно к Гамбургу (по сравнению с Любеком или Бременом). Этому способствовала специфика местности: так, ворота города Гамбург, которые являлись таможенной границей, находились всего в 15 минутах ходьбы от Альтоны [6, с. 263; 14, S. 46–47]. Горожане – мужчины, женщины, дети – перебирались в Альтону, чтобы на обратном пути пронести на себе через ворота своего города контрабандные товары, такие, например, как кофе, сахар, специи или материю. Внутри города их ждали торговцы, которые охотно это покупали [14, S. 47].

В своем сочинении М. Прелль воскрешает в памяти следующий пример: «Каждая горничная, проходившая через ворота Альтона, сначала должна была на посту охраны пройти осмотр своей корзины, однако многие находили огромное удовольствие обманывать французов. Так вот я помню, что наша кухарка однажды с торжеством пришла домой и сказала, что купила в Альтоне $\frac{1}{4}$ фунта хлопковой ткани (Baumwolle) и пронесла их на себе: французы обыскали всю её корзину, но не нашли “ни ниточки из хлопка”. На что наша мать ответила: “Значит, за $\frac{1}{4}$ фунта хлопка ты рисковала тем, что тебя могли поставить под стражу на восемь дней на хлеб и воду?”» [22, S. 34–35].

Шведский экономист Э. Хекшер, рассуждая о контрабандном трафике запрещенных колониальных товаров, высказался следующим образом: спекулянтам, занимавшимся этим видом бизнеса, в то время пришла в голову идея поручить разного рода людям из низших слоев общества, главным образом женщинам, мальчикам и девочкам из черни («low-class people»), задачу проноса в небольших количествах запрещенных товаров через таможенную охрану, расположенную у городских ворот. По мнению исследователя, эта практика оказалась успешной и вскоре была продолжена в больших масштабах. За деревянными сараями у городских ворот Альтоны можно было увидеть одновременно отвратительную и смешную картину «загрузки» этой армии контрабандистов. Там женщины задирали платья, чтобы насыпать в чулки или других частях одежды кофейные зерна; мальчики на виду у всех засыпали перец в карманы своих брюк; некоторые утверждали, что видели, как женщины прятали

сахарную пудру в пакетиках под своими прическами. И с этим грузом они отправились в путь в Гамбург, где сдавали за плату свои товары на определенные склады, расположенные недалеко от городских ворот. Таким способом было ввезено огромное количество товаров; и соглашения с этими мелкими торговцами, основанные исключительно на доброй воле, по-видимому, редко нарушились с обеих сторон [4, р. 189].

Об объемах такой контрабанды мнения расходятся, однако неоспорим тот факт, что был расцвет этой деятельности. В то время, когда портовая активность сильно сократилась, обман позволил выжить большей части населения: один фунт кофе, пронесенный из Альтоны в Гамбург, оценивался в дневной заработок [2, р. 651]. Причиной бурного увлечения местным населением контрабандой К. Ааслештад видела «в развале местной промышленности, нестабильности рыночных цен и стремительной инфляции» [2, р. 651]. Однако основная прибыль шла купцам, которые организовывали эти обмены. К. Ааслештад полагала, что контрабандой «ежедневно занималось до 10% населения Гамбурга преимущественно “низшего класса” (“low-class people”) и из всего этого потока не более 5% контрабанды было конфисковано» [2, р. 652]. Французский посланник в Гамбурге Л. А. Ф. де Буррьеен, весьма критически оценивавший континентальную блокаду, в своих мемуарах уверял читателей, что «более 6000 человек низшего сословия примерно двадцать раз в день ходили туда и обратно из Альтоны в Гамбург» [24, р. 172].

Имели место и более масштабные акции по доставке контрабанды. Буррьеен описал две уловки. Первая заключалась в том, что под прикрытием ремонта главной улицы Гамбурга, ведущей к воротам Альтоны, провозили тростниковый сахар. За воротами, слева от дороги был участок земли, где вырыли ямы с целью добычи для стройки песка. Контрабандисты ночью прятали в этом карьере тростниковый сахар, а наутро рабочие его перевозили в Гамбург маленькими тележками, насыпая поверх сахара слой песка толщиной около дюйма. Этот трюк, по словам французского дипломата, продолжался довольно долго, при том, что «никакого прогресса в ремонте улицы достигнуто не было. <...> Сотрудники таможни в конце концов поняли, что работа не продвигается, и в одно прекрасное утро тележки с сахаром были остановлены и изъяты. Тогда было придумано другое средство» [24, р. 172]. Приведенные Л. А. Буррьееном сведения некоторые источники и исследователи называют либо «полуанекдотической историей» [4, р. 188–189], либо подвергают сомнению её достоверность во все [22, S. 35–36].

Вторая «уловка» реализовывалась контрабандистами во время похорон на кладбище близ дороги, ведущей в пригород Гамбурга – Гамбургерберг (Hamburgerberg). Сотрудники таможни,

пораженные частой смертью достойных жителей маленького пригорода, однажды настояли на досмотре одной из процессий, и при вскрытии катафалка оказалось, что тот наполнен сахаром, кофе, ванилью, индиго и т. д. От этого способа контрабандистам пришлось отказаться, однако вскоре ими были придуманы другие [2, р. 651; 24, р. 172].

Французское имперское правительство испытывало недостаток в таможенных кадрах; таможенные границы Гамбурга, по данным К. Мёнкеберга, охраняли 400–500 человек [14, S. 47], способных уследить за соблюдением законов, а имеющиеся, как полагала М. Прелль, и во все ввиду плохого жалования закрывали глаза на действия контрабандистов [22, S. 36]. Но французские власти все же боролись с контрабандой. Уже 2 декабря 1806 г. Наполеон написал письмо Э. Мортье, приказав «воспрепятствовать всяческому сообщению между Гамбургом и Альтоной, конфисковать на Эльбе все суда с поташом, углем и всеми другими прибывающими из Англии товарами, а также перехватывать все письма из Англии» [4, р. 163]. Однако тут же возникла трудность с поиском добросовестных (а точнее, неподкупных) исполнителей этих мер. Военно-морской министр Д. Декрес получил специальное напоминание о необходимости «...заинтересовать самих солдат в эффективности блокады: <...> они должны пользоваться преимуществами конфискации товаров, которые попытаются проникнуть в город» [4, р. 163–164]. Возможно, это была попытка материально заинтересовать таможенников в результатах их деятельности. Только с 11 по 31 марта 1811 г. (уже после юридического включения Гамбурга в состав наполеоновской Империи) французские власти конфисковали 162 т кофе, 26,9 т сахара и 12,7 т перца [2, р. 655]. Несмотря на ужесточение законодательства после включения Гамбурга в состав наполеоновской Франции, теневой рынок британских колониальных товаров продолжал действовать и в 1811 г., пусть и с большим риском для контрабандистов отправиться прямиком на гильотину.

Французское правительство справедливо видело в Гамбурге ключевой порт для сбыта английских товаров в Европе. Без полного контроля над городом никакая блокада была бы нереальна. Ввод 19 ноября 1806 г. в Гамбург войск под командованием маршала Э. Мортье и последовавший спустя два дня Берлинский декрет – меры взаимосвязанные: французское присутствие в городе служило инструментом эффективности блокады. Это сильно ограничило купеческий город в торговых связях с его давним торговым партнером – Великобританией и её колониями. Развитие контрабандной торговли, несмотря на ее достаточно большой объем, не могло компенсировать потери от участия

в континентальной блокаде. К тому же на городские власти было возложено бремя содержания расквартированных французских войск. Естественно, реакция жителей на такие меры была негативной, хотя открытых волнений и не вызывала.

Список литературы

1. Aaslestad K. B. Krieg, Demobilisierung und Errinnerungskultur in den republikanischen Stadtstaaten Hamburg, Bremen und Lübeck 1813–1830 // Echternkamp J. Kriegsenden, Nachkriegsordnungen, Folgekonflikte: Wege aus dem Krieg im 19. und 20. Jahrhundert. Freiburg ; Bremen : Rombach Verlag, 2012. S. 53–74.
2. Aaslestad K. B. Paying for War: Experiences of Napoleonic Rule in the Hanseatic Cities // Central European History. 2006. Vol. 39, iss. 4. P. 641–675.
3. Luz H. S. da. «Franzosenzeit» in Norddeutschland (1803–1814). Napoleons Hanseatische Departements. Bremen : Edition Temmen, 2003. 352 S.
4. Heckscher E. The Continental System: An Economic Interpretation. Oxford : Clarendon Press, 1922. 420 p.
5. Marzagalli S. Port Cities in the French Wars: The Responses of Merchants in Bordeaux, Hamburg and Livorno to Napoleon's Continental Blockade, 1806–1813 // The Northern Mariner/Le Marin du nord. 1996. Vol. 6, № 4. P. 65–73.
6. Тарле Е. В. Континентальная блокада. I. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I // Тарле Е. В. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Издательство Академии Наук СССР, 1958. Т. 3. 652 с.
7. Aaslestad K. B. War without Battles: Civilians Experiences of Economic Warfare during the Napoleonic Era in Hamburg // Forrest A., Hagemann K., Rendall J. Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820. London : Palgrave Macmillan, 2009. P. 118–136.
8. Aaslestad K. B., Hagemann K. 1806 and Its Aftermath: Revisiting the Period of the Napoleonic Wars in German Central European Historiography // Central European History. 2006. Vol. 39, iss. 4. P. 547–579.
9. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793–1812. СПб. : Terra Fantastica, 2002. 603 с.
10. Подмазо А. А. Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Часть II : сборник материалов к 200-летию Отечественной войны 1812 года / ред.-сост. В. М. Безотосный, А. А. Смирнов. М. : Труды ГИМ, 2003. Вып. 137. С. 249–266.
11. Трошин Н. Н. Континентальная блокада и Россия (к вопросу об экономических причинах Отечественной войны 1812 года) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XVI Международной научной конференции, 6–7 сентября 2010 г. / под ред. А. В. Горбунова.

- Можайск : Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2011. С. 278–297.
12. Макаров Н. А. Перед вступлением в Континентальную блокаду: попытка России заключить всеобщий мир между Францией и Англией // История и историческая память / отв. ред. А. В. Гладышев. Саратов, 2022. Вып. 25. С. 47–57.
13. Сосунова Г. А. Профессиональная таможенная лексика во французском языке в период наполеоновской континентальной блокады // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. Вып. 2 (12). С. 43–50.
14. Mönckeberg C. Hamburg, unter dem Drucke der Franzosen: 1806–1814: historische Denkwürdigkeiten / hrsg. G. E. Nolte. Hamburg : o/V., 1864. 350 S.
15. Гладышев А. В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018. Т. 51 : Межкультурные контакты в период иностранной оккупации / гл. ред. А. В. Чудинов. 2018. С. 10–21.
16. Republique Francoise Au Quartier General à Nienburg Le 14 Praireal au 11 Edouard Mortier Lieutenant General Commandant Chef Au Senat de Brême // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 746.
17. Lingelbach W. E. The Merchant Adventurers at Hamburg // The American Historical Review. 1904. Vol. 9, № 2. P. 265–287.
18. Allgemeine Zeitung 20 November 1806 // Bayerischen Staatsbibliothek. URL: <https://digipress.digitale-sammlungen.de/calendar/1806/11/20/newspaper/bsbmult0000002> (дата обращения: 03.09.2023).
19. Burg M. van der. Napoleonic Governance in the Netherlands and Northwest Germany: Conquest, Incorporation, and Integration. Cham : Switzerland, 2021. 165 p.
20. Allgemeine Zeitung 30 November 1806 // Bayerischen Staatsbibliothek. URL: <https://digipress.digitale-sammlungen.de/calendar/1806/11/30/newspaper/bsbmult0000002> (дата обращения: 03.09.2023).
21. Taple E. B. Наполеон. М. : Юрайт, 2024. 359 с.
22. Prell M. Erinnerungen aus der Franzosenzeit in Hamburg von 1806–1814: für jung und alt erzählt. Dritte Auflage. Hamburg : Herold, 1898. 212 S.
23. Allgemeine Zeitung 01 Dezember 1806 // Bayerischen Staatsbibliothek. URL: <https://digipress.digitale-sammlungen.de/calendar/1806/12/1/newspaper/bsbmult0000002> (дата обращения: 25.10.2023).
24. Bourrienne L. A. F. de. Memoirs of Napoleon Bonaparte : in 4 vols. New York : Crowell, 1910. Vol. 3. 397 p.

Поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена после рецензирования 15.09.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 15.09.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025